

УДК 168.522: 769.2 (Гуманитарные науки. Культурология / Гравюры для различных изданий и учебных целей. Книжная и газетно-журнальная графика. Иллюстрации)

**ПАРАДОКС АЛЕКСАНДРА АЛЕКСЕЕВА:
ИЗ КАДЕТОВ – В ХУДОЖНИКИ (1919-1930)**

© 2024 Л.У. Звонарева, О.В. Звонарев

*Лола Уткировна Звонарева, доктор исторических наук, профессор,
академик РАЕН и ПАНИ*

профессор кафедры Цивилизационной журналистики

E-mail: lvonareva@mail.ru

*Олег Викторович Звонарев, кандидат исторических наук, доцент
кафедры Политических процессов и технологий*

E-mail: donfeliz@yandex.ru

Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского
Москва, Россия

Статья поступила в редакцию 18.07.2024

Авторы статьи рассматривают начало творческого пути А.А. Алексеева (1901, Казань – 1982, Париж), выдающегося иллюстратора мировой и русской классики, изобретателя игольчатого экрана. В статье отмечается: А.А. Алексеев был вынужден покинуть Российскую империю с первой волной эмиграции, в конце путешествия осел в Париже, начав творческую деятельность в качестве театрального художника. В дальнейшем А.А. Алексеев посвятил себя искусству книжной иллюстрации. Авторы отмечают: за первые пятнадцать лет творческой деятельности художник создал иллюстрации к двадцати семи книгам (в том числе портреты авторов на фронтисписе и несколько обложек), став самым востребованным книжным графиком из русских художников-эмигрантов. Анализ творческой деятельности Александра Алексеева в течение первых пятнадцати лет его парижской жизни доказывает: он, как и многие представители творческой интеллигенции первой волны русской эмиграции, сохранил в сердце образ Родины, России, которую он и старался так или иначе визуализировать в работах. И именно эти воспоминания и восприятие Родины демонстрируют нашим современникам: Алексеев, прожив за рубежом около шестидесяти лет, оставался патриотом России, сохранившим в сердце частицу русского мира и любовь к матери, образы которой встречались в его работах на протяжении всего его творческого пути.

Ключевые слова: Александр Алексеев, эмиграция, русский мир, книжные иллюстрации, книга художника

DOI: 10.37313/2413-9645-2024-26-97-69-79

EDN: KKWOGH

Введение. После событий 1917 г. сотни тысяч россиян вынуждены были покинуть страну. Особенно это коснулось людей дворянского происхождения, детей и внуков священников, юных кадетов, которых нередко расстреливали без суда и следствия. Многие не хотели покидать Россию, их к этому вынудили неумолимые обстоятельства. Вспоминая свои скитания по охваченной гражданской войной России, известная писательница Тэффи сделала печальный вывод: «Нельзя забывать, что человеком быть очень трудно» [16, с. 179].

В Европе их никто не ждал, выжить и состояться там было сложно. В этом плане судьба Александра Александровича Алексеева (1901, Казань – 1982, Париж), бывшего кадета, шесть лет отучившегося в знаменитом Первом кадет-

ском корпусе в Петербурге, типична для его поколения. Его мытарства в России, переезды из города в город, в каждом из которых он пытался продолжить образование в кадетском училище, под напором подчиняющей себе всё новые уральские и сибирские города Красной армии, тяжелейшая дорога от Уфы до Владивостока, трудная жизнь за границей, стремление обрести своё место в Париже – путь, который прошли сотни тысяч русских эмигрантов первой волны, вынужденных после гражданской войны покинуть Советскую Россию и оказаться в чужом для них европейском мире.

История вопроса. Судьбой и творчеством А.А. Алексеева занимались академик РАО М.И. Башмаков [6], коллекционер Б.А. Фридман [11], главный редактор издательства «Вита Нова» А.

Дмитренко [1]. Но в своих публикациях они ограничивались пересказом одних и тех же фактов, как мы доказали, ошибочных, не обращались в архивы и не изучали эмигрантскую прессу первой половины XX в., где довольно много писали о выставках и иллюстрациях художника. Нам удалось найти новые документы, касающиеся судьбы и творчества А.А. Алексеева в Российском государственном военно-историческом архиве, в архиве швейцарского фонда «Art Ex East», в архиве Музея кино в Москве, где хранится подаренный дочерью художника С.А. Алексеевой-Рокуэлл экземпляр воспоминаний А.А. Алексеева (234 стр. машинописного текста на французском языке), касающихся его жизни до переезда в Париж, и некоторые другие документы. Мы уточнили имя учителя рисования А.А. Алексеева в первом кадетском корпусе в Петербурге, доказали, что он никогда не учился в Институте восточных языков, что его отец не был убит в Турции, а умер в Германии от тяжёлой болезни лёгких и там похоронен, а перед смертью продиктовал телеграмму императору, которая не была отправлена; что А.А. Алексееву не удаляли лёгкое во Франции. Мы доказали: в Египте Алексеев встречался с известным художником И.Я. Билибиным, впоследствии основавшим в Париже общество «Икона» и считавшимся крупнейшим выразителем «русского стиля», и именно от него, близко дружившего с С. Судейкиным, Алексеев получил судобоносные рекомендательные письма, позволившие никому не известному молодому человеку устроиться на работу в парижский театр [9].

Поэтому в настоящей статье мы, опираясь на документы, найденные нами в российских, швейцарских, парижских и американских архивах, эмигрантской прессе, и новейшую мемуарную литературу, проследим, как это происходило в 20-е годы прошлого века на примере биографии Александра Алексеева, богатой событиями и встречами со знаковыми лицами эпохи.

Методы исследования. При проведении исследования авторы придерживались таких научных подходов, как историко-генетический, аксиологический, компаративный, герменевтический.

Результаты исследования. Весной 1917 г. Мария Никандровна Алексеева, дочь священника и вдова полковника генерального штаба, военного советника посольства Российской империи в Турции Александра Павловича Алексеева, умершего 13 августа 1906 г. от тяжёлого воспаления

верхних дыхательных путей в баварском городе Бад-Райхенхалле, куда он был отправлен на лечение, забирает шестнадцатилетнего сына Александра Алексеева из Первого кадетского корпуса в Петербурге, куда его приняли в 1911 г. по её многочисленным ходатайствам и где он с удовольствием занимался рисованием под руководством выпускника Академии художеств коллежского советника, преподавателя рисования Ивана Дмитриевича Развольского (его имя мы нашли в послужных списках штатных преподавателей) [13], и привозит в Уфу к брату Анатолию Полидорову, известному в городе адвокату и социал-демократу. Александру шестнадцать лет. Осенью следующего года он вступит в так называемую Народную армию и вместе с уфимским полком в двести молодых людей навсегда покинет эти края, а потом и Россию.

Александр полон «революционного нигилизма». Его неприятие большевиков очевидно, их действия для него неприемлемы. В Первом кадетском корпусе он получил традиционное для дворянского отрока воспитание: «Меня учили, что погоны – символ воинской чести и расстаться с ними я могу только вместе с жизнью» [2, с. 123].

Даже в походных условиях юноша продолжает читать и развиваться. Когда полк остановился в какой-то большой станице, А. Алексеев «одалживает» в общедоступной библиотеке книги: «Философию искусства» Тэна и сборник сказок Оскара Уайльда «Гранатовый домик» на двух языках.

Юноша добирается до Самары, куда его направили для переподготовки. В конце августа в самарской газете Александр читает объявление: Оренбургский кадетский корпус сообщал о возобновлении занятий. Это было связано с событиями, произошедшими в Оренбурге летом 2018 г.

2 июля 1918 г. части Красной армии оставили Оренбург. После возвращения белых в Оренбург деятельность Оренбургской Неплюевской гимназии военного ведомства была возобновлена на основании приказа от 23 июля 1918 г. атамана А.И. Дутова, въехавшего в город на белом коне. По словам гимназиста Б. Пиотровского, «во время торжественной встречи Дутова гимназисты хором под управлением дьякона пели кантату в честь атамана. Вспоминаю первые слова: «Слава высшему зиждетелю, мира знания благого! Слава!» В торжественной процессии Дутов шёл,

спешившись, с фуражкой в руке, а его конь был украшен цветами...» [15, с. 277]. Директором учебного заведения 18 августа 1918 г. был назначен генерал Вячеслав Александрович Карликов.

Очевидно, именно к нему и обращается юный Алексеев, напоминая о письменной просьбе матери – о его переводе из Петербургского первого кадетского корпуса в Оренбургский. Выдержка из его письма: «...направило меня навстречу судьбе, о которой я даже не мог мечтать» [2, с. 127].

В январе 1919 г. Оренбург был взят войсками Красной армии, Дутов эмигрировал в Китай, где в 1921 г. был убит чекистами, не дожив до 42 лет [5, с. 90].

Гимназист Б. Пиотровский писал: «Казачьи отступили за Урал и держались там за рекой очень долго. С крыши гимназии были хорошо видны степь, появление казачьих отрядов и перестрелка с красноармейцами... Летом 1919 г. белые казаки капитулировали – начальство ушло в степи, а основная масса дутовской армии была разоружена и отправлена по станицам» [15, с. 278].

Ещё в 1918 г. «началась реорганизация и централизованная временная эвакуация кадетских корпусов. Главным местом сбора и реорганизации был назначен Иркутск» [14, с. 287].

На марше – триста юных кадетов и обоз из шести саней с вещмешками. Они идут в Троицк, прифронтовой город на Транссибирской железной ветке, чтобы оттуда по железной дороге попасть в Иркутск доучиваться в местном кадетском корпусе. Поход в пятьсот вёрст.

Александр вместе со всеми поёт на морозе. Когда они остановились в казачьей станице, он простудился и заболел, так как лежал без сна на продуваемом сквозь щели полу рядом с ягнятами и телятами, болезнь быстро разыгралась. В тридцатиградусный мороз он продолжал этот страшный поход в одной шинели. Скоро он не мог глотать твёрдую пищу, дёсны покрылись нарывами, к тому же он жевал снег, чтобы унять жажду.

Шли целый месяц, «окружённые белой немотой, и слух ловил лишь звуки наших голосов» [2, с. 203]. Цель пути – Троицк. В дни пребывания А. Алексеева в Троицке город находился под властью Верховного правителя России Колчака.

Через месяц в Троицке сформировали состав из двенадцати товарных вагонов для скота. Чтобы развести огонь в печках, рубили дрова. Топили снег. Спали на двухэтажных дощатых нарах.

Дверь открыта – для света и воздуха. Там же совершали «туалет».

«Свою судьбу я продолжал влечь в каком-то тумане, сквозь который проступала столица Сибири» [2, с. 205]. Челябинск – Омск – везде неожиданные встречи. «В Иркутский отдел Главного управления военно-учебных заведений было передано ходатайство атамана Дутова о зачислении оренбургских кадет в Иркутский кадетский корпус. Несмотря на многие трудности с учебной базой и снабжением, на нехватку преподавательского состава, учебные занятия проводились в полном объёме» [14, с. 287].

В Иркутск они прибыли в конце марта, голодные, невымытые, обожившие. Их разместили в казарме, обставленной партами, скамейками и железными кроватями без матрасов. В сохранившемся документе читаем: «22 декабря прибыла часть 2-го Оренбургского кадетского корпуса – 70 кадетов, 1 апреля (по новому стилю) 1919 года прибыл казачий женский институт и кадеты Неплюевского второго Оренбургского кадетского корпуса. Стало 500 человек. Прибывшие были размещены в помещении кадетского корпуса 1-й школы прапорщиков и духовной семинарии» [14, с. 288].

Род войск будущей службы ученики выбирали сами, начинали с отличников. А. Алексеев был среди первых. Он выбрал морское училище во Владивостоке, мечтая стать «гражданином мира». Он обретёт «свой, легендарный мир, утерянный в Константинополе» [2, с. 206], где прошло его раннее детство – сына военного атташе при русском посольстве в Стамбуле. Во Владивосток Александр ехал в вагоне третьего класса. Через несколько дней утром за окном открылся океан: «Его свободе не было предела, его воды доходили до Японии, Австралии и Африки – до земель всего мира, до самого Запада. И я его видел собственными глазами» [2, с. 207].

Начальником морского училища назначили капитана 1 ранга М.А. Китицына. Ему удалось собрать прекрасных преподавателей из офицеров флота. Кадетов, прибывших весной 1919 г. из сухопутных корпусов, после медицинского осмотра приняли в 3-ю гардемаринскую роту, получившуюся, по свидетельству современника, «блестящей».

Главная улица Владивостока Светланская была гордостью города. На Светланской перед Новым годом Александра заинтересовало объявление о футуристическо-декадентском вечере под

председательством художника и поэта Давида Бурлюка. Плата за вход – два килограмма сахара, кускового или колотого. Бурлюк был во Владивостоке проездом. Путь его лежал в Японию, потом – в Америку.

Январским утром 1920 г. Александр увидел на рейде судно с развевающимся российским флагом: крейсер «Орёл», учебный корабль: «Я ликовавал: наконец мы выйдем в море, наконец-то я увижу огромный мир, обрету свободу, мне станут доступны любые земли, ведь мы покидаем Россию!» [2, с. 208].

Историк Н.Н. Крицкий проследил по документам судьбу крейсера «Орёл» и его команды, где одним из матросов был курсант морского училища Александр Алексеев. В годы Гражданской войны вспомогательный крейсер «Орёл», принадлежавший российскому морскому флоту, остался под Андреевским флагом на стороне Белого движения, что определило его судьбу. В мирное время крейсер осуществлял дальние перевозки между Владивостоком и иностранными портами. С 1915 года на нём стали проходить практику курсанты Владивостокского морского училища. «Орёл» стал учебным транспортным судном. После революционных событий 17-го года капитан 1 ранга М.М. Китицын решил из Сайгона не возвращаться в Россию. Современник А. Алексеева пишет: если бы не его мудрое руководство юными гардемаринами, многим из них «пришлось бы сложить буйные головы в подвалах ЧК» [12, с. 45].

«Орёл» вышел в свободные воды: с большим трудом капитан добился, чтобы ледокол очистил им выход из бухты Золотой Рог во льдах. Французский писатель Жозеф Кессель, уроженец Оренбурга, тоже находившийся в эти дни во Владивостоке, наблюдая подобные сцены, писал в повести «Сибирские ночи»: «...ледокол, словно голодное чудище морское, неуклюже крушит ледяной панцирь, оставляя за собой шлейф чёрной, как смола, воды» [10, с. 14-15]. Корабль шёл в Японию.

Японские торговые порты Цуруга и Модзи, далее Гонконг, Сингапур, Калькутта, Андаманские острова, Порт-Саид, Египет. А. Алексеев вспоминал: «Мы выходили в свободные воды, словно в затянувшемся сновидении... всё вздымалось, вздымалось, вздымалось, наклонялось, переворачивалось, затем обрушивалось вниз, чтобы потом, содрогнувшись, вновь взмыть вверх. Продолжительность вахты была удвоена.

Вёдра переходили из рук в руки, мы вычерпывали воду из трюмов, куда она попадала через плохо залатанную щель... Сбитый с толку сменой чередой вахт, нарядов и тревог» [2, с. 201], он терял счёт времени; день, начавшийся на рейде у Цуруги, казался ему концом длинной ночи. Они простояли месяц.

В Гонконге в утреннем тумане корабль с грузом угля встал на рейде. Прежде чем спуститься на берег, моряки переоделись в белоснежную парадную форму. Жалованье им не платили. А. Алексеев вспоминал: он, целыми днями прогуливаясь по гонконгским мостовым, искал под ногами обронённую кем-то монету, ощущая соблазнительные запахи из ресторанов, «о фирменных блюдах которых слухи доходили до Сан-Франциско, Мельбурна и Марселя» [2, с. 202].

В Сингапуре, где они стояли пять недель, он участвовал в экскурсии на несколько дней, которую осуществили гардемарины на двух десятивёрсельных катерах под парусами по островам архипелага около острова Суматра. За самовольное путешествие они получили выговор и вскоре были заняты тяжёлыми работами в сухом доке – ремонтом и окраской корабля своими средствами. Получив в Сингапуре новый груз, пошли в Индию с заходом на Андаманские острова, где произвели шлюпочный десант на берег, напугав местных жителей. У пигмеев Алексеев обменял стрелы на сигареты. Отведал манго и мангустов. «Знакомые» русские стога сена ему встретились на берегах Ганга. Спустя годы в Париже, иллюстрируя «индийскую историю» из «Лунных картинок» Андерсена, ставший во французской столице популярным художником-иллюстратором А. Алексеев использует индийские впечатления [4, с. 10].

В Калькутте, где «Орёл» вновь застрял – долго не мог получить фрахт – юноша провёл месяц в старейшем в стране Индийском музее. Особенно запомнилась скульптура маленького раджи с одалиской.

Через Суэцкий канал крейсер приходит в Порт-Саид, в Средиземное море. А. Алексеев возвращается в далёкое детство: «Мои сны-воспоминания о Константинополе, которые мне казались более реальными, чем обманчивая память здравого смысла, всё же оказались подлинными... Дышать стало свободнее» [2, с. 203]. Он намерен остаться в Италии, куда посылали лучших выпускников Императорской академии ху-

дожеств. Но консул Порт-Саида отказывает ему в итальянской визе.

В Египте «Орёл» вновь встал на долгий рейд. Кончились уголь, вода, провизия. М.А. Кителин посылает ультиматум английскому комиссару в Египте: если через 16 часов не будут даны уголь, вода, продовольствие и разрешение выйти в море, он выведет корабли и затопит их поперёк Суэцкого канала. Через 24 часа англичане представили судам всё необходимое.

За месяцы путешествия не обошлось и без потерь. В одну из влажных адриатических ночей Александр дежурил с ружьём на палубе, рядом с телом умершего товарища.

12 августа «Орёл» и «Якут» приходят в порт Дубровник (тогда Королевство сербов, хорватов и словенцев). После внезапной смерти юного гардемарина самые ослабленные юноши были отправлены в местный небольшой санаторий в соседней бухте Омбла – среди этих четверых оказался Алексеев. Белая вилла «Термотерапия» украшена балконом и двумя колоннами, уютившейся у самой воды. Здесь же – «таинственный» дом, сулящий недорогие утешения, – «дома с закрытыми жалюзи и гостиной второго этажа, обитой красным шёлком» [2, с. 199], где доступные девицы исполняли для гостей сербские, далматинские и венгерские песни.

Кителин связывается с Севастополем, но орловцы отказываются идти в Крым «ввиду бессмысленности дальнейшей борьбы» [12, с. 120]. Военно-морскому агенту в Югославии приходит из Крыма телеграмма генерала Врангеля: «Капитана 1 ранга Кителина сменить, арестовав. «Орёл» и «Якут» направить в Севастополь» [12, с. 12].

Приказано вернуть «Орёл» Добровольному флоту, когда-то созданному на пожертвования. М.А. Кителин принимает решение идти в Севастополь, командуя «Якутом»: «В Крыму... и от России человек не отрывается, и если он несёт тяготы, то не в унижительной роли беженца у богатых родственников или нищего эмигранта, а в роли бойца за свою родину, свой народ и их свободу. Это в конце концов всё-таки единственное светлое, что каждому из нас дано» [12, с. 122]. В январе 1921 г. «Орёл» будет переведён в Александрию и продан английской компании, чтобы бороздить воды под британским флагом.

А. Алексеев тайно пробирается на «Орёл», отправляющийся в Александрию с грузом леса. Его прячет в своей каюте оренбургский приятель,

нанятый на крейсер старшим матросом. В Александрии из зайца Александр превратился, по предложению капитана, в юнгу с питанием из рациона товарищей, брошенного на самые непрестижные работы – мыть посуду: иначе существовала возможность попасть в арабскую тюрьму или за лагерную колючую проволоку в Сиди-Бизр, куда интернированы остатки русских полков из Галлиполи.

Александр провёл в Александрии восемь месяцев. «Орёл» после ремонта спущен на воду и встал на якорь у предместья Мекс. Став матросом 2 класса, Алексеев тратит жалованье на книги и на ночной вахте устраивается в рубке на палубе с фолиантом, фунтом турецкого кофе и поллитровой бутылкой водки, поглощая всё за четыре часа. Свою живописную серию этюдов, наполненных изображением воображаемых пропастей, бездн, кучевых облаков, неприступных замков и драконов в духе Рериха, решается показать профессионалу, известному художнику. В мемуарах он даёт лишь первую букву фамилии – Б., поясняя: этот художник – изобретатель «русского стиля». Речь идёт об Иване Яковлевиче Билибине, после эмиграции из Крыма на пароходе «Саратов» жившего в Египте, оформляя в Каире православные церкви и занимаясь живописью с ученицей – Людмилой Чириковой, дочерью известного беллетриста Е.Н. Чирикова [9].

Оценка эскизов юноши знаменитым художником доброжелательна и подтверждалась рекомендательными письмами и напутствием: «Будьте настойчивы... Живописи можно учиться только в двух городах: в Мюнхене и в Париже» [2, с. 205].

Но вместо Парижа пришлось пойти добровольцем в трюм работать на всё тот же «Орёл», направлявшийся в Англию, в порт Саутгемптон; плаванье заняло четырнадцать дней. Они прибыли на закате лета 1921 г., чтобы провести здесь целых три месяца. Новый английский закон запрещал нанимать на работу иностранных матросов. Они должны вернуться в порт прежней приписки крейсера – в Александрию. Начнутся месяцы ожидания судна, готового взять иностранных моряков на борт. Законопослушная Англия выплачивает суточные. Первые ночи спали на земле. Потом в ночлежке для матросов – осень и зима 1921 г. выдались ранними и холодными.

В Саутгемптоне А. Алексеев узнаёт: в Лондоне 2 ноября 1921 г. в театре «Альгамбра» (кстати,

почти не отапливавшимся, – по воспоминаниям, «репетиции перед премьерой проходили в «ледяной обстановке») – продолжение 14-го Русского сезона в Лондоне труппы «Русского балета» С.П. Дягилева, открывшего гастроль премьерой балета «Спящая красавица» [17, с. 334].

На последние деньги Александр покупает билет до Лондона (два часа на поезде), одежду («лаковые ботинки, шёлковые носки, брюки, широченные, как Чёрное море, голубую блузу и каскетку, напоминающую мех крота» [2, с. 208]) и едет в театр.

Спустя годы А. Алексеев вспоминал о «Волшебной лавке» с музыкой Россини и декорациями Андре Дёрена, «Треуголке» испанского композитора Мануэля де Фалья в оформлении Пабло Пикассо и «Шехерезаде», проникнутой звуками симфонической поэмы Римского-Корсакова и украшенной Львом Бакстом, которого он представлял по журналам уфимского дяди Анатолия, известного в городе адвоката, расстрелянного большевиками.

Игровой занавес, задник в «Волшебной лавке» изображён реалистично. Зато декорации Пикассо в «Треуголке» выдержаны в белых, сероватых, бледно-розовых и голубых тонах, передают очарование испанского городского пейзажа. Пикассо расписывал занавес с фигурами испанцев, наблюдающих из ложи за боем быков. Балет поставлен как весёлая бытовая комедия. Одевание Мельничихи из розового шёлка и чёрного кружева – скорее, символ, чем этнографическое воспроизведение национального костюма. В «Шехерезаде» доминировали восточные мотивы. На афише стояло: «...произведения знаменитого художника Бакста» [2, с. 209]. Цветовая гамма большинства костюмов – та же, что и декораций, лишь одеяния влюблённых негров переливались серебром и золотом. В одежде шаха господствовали тёмно-синий и фиолетовый цвета в духе персидских миниатюр. Декорации, костюмы, хореография, музыка составляли изысканный ансамбль. Вскоре «весь Париж» оденется по-восточному, по-баксовски. Марсель Пруст писал: «Передайте Баксту, что я испытываю волшебное удивление, не зная ничего более прекрасного, чем «Шехерезада» [8, с. 34].

Но в Лондоне память скорее всего изменяет А. Алексееву, он мог видеть только «Спящую красавицу» – пять картин, составляющих балет: «Крещение», «Чары», «Видение», «Пробуждение» и «Свадьба», хотя оформление спектакля, со-

зданное именно Л. Бакстом, «поражало воображение. Костюмы придворных были выдержаны в красных тонах, король и королева облачены в белые одеяния, расшитые золотом, и ниспадающие со спины длинные голубые мантии. Наряд королевы был увенчан головным убором со страусиными перьями. Белые платья фей казались лёгкими облачками, спустившимися на землю. Зрителям, увидевшим это чудо, казалось, что они попали в волшебную страну, и многие, наблюдая за развитием действия, не могли сделать возгласов изумления» [17, с. 335].

А. Алексеева ждёт ещё одна встреча с русским театром. В августе 1921 г. театр-кабаре «Летучая мышь» Никиты Балиева с оригинальными художественными миниатюрами тоже гастролировал в Лондоне. Балиев, изобретательный и артистичный, появлялся в смокинге перед каждым номером на авансцене и объявлял очередное выступление. Подчёркивал русский акцент, скоморошничал, острил. Беспаспортный моряк-художник, сидящий на галёрке, слышит вопрос ведущего с далёкой сцены: «Кстати, есть ли в зале русские?» – и сразу же кричит под хохот зала: «Вот я, здесь!». Спустя годы Алексеев прокомментировал этот простодушный отчаянный вопль: «Вот он я! Вылез из трюма! Вышел из тайги!» [2, с. 207].

Но пройдёт совсем немного времени – и он станет полноправным участником театральных постановок в Париже, а пока делает наброски узких старинных улочек Саутгемптона, вдохновлённый «Русскими балетами» покупает «Историю костюма» и рисует эскизы театральных декораций, пробует, по совету приятеля-врача, стимулировать себя кокаином, но вскоре от этого отказывается. Он покинет Англию на корабле «Кляйст Мару», потеряв надежду последовать совету Билибина. Но буря заставляя судно, направлявшееся в Порт-Саид через Иокогаму, укрыться в порту Марселя, где Алексеев принимает решение вместе с товарищем покинуть корабль и попытаться остаться во Франции.

От Марселя до Парижа – полночи на поезде. Александру двадцать лет, он впервые в Париже, но французский язык учил с детства, опекаемый французскими гувернантками. Александр прибыл на Лионский вокзал. Выйдя на площадь, сел на восьмидесятый трамвай до остановки «Улица Гласьер», по соседству снял вместе с товарищем маленькую комнату.

Утром в русской газете прочёл объявление о вечере русских поэтов в «Са'fe Came'le'on» в доме на бульваре Монпарнас. Здесь, в кафе «Хамелеон», потолок которого расписан в стиле «модернистской эротики» Ладо Гудиашвили, собиралась литературная группа «Палата поэтов». В ноябре она встречалась трижды, торжественный устный выпуск книги Георгия Евангулова с участием Валентина Парнаха, Марка Талова, М. Струве, художника и поэта Сергея Шаршуна состоялся 16 ноября. Алексеев приехал в Париж 15 ноября.

Париж тех лет пронизан авангардным искусством: спектакли, театральные постановки, художественные выставки, книжные новинки, дома мод. Но Александр не торопится окунуться в этот мир. При нём – рекомендательное письмо И.Я. Билибина к Сергею Судейкину, знаменитому сценографу. К Судейкину он пойдёт не сразу, прожив в крайней нужде несколько месяцев. Какое-то время Алексеев обитал в гараже, спасаясь от холода, собирал старые газеты и спал на них. Дочь художника вспоминала рассказы отца: «Первая работа, которую он нашёл в столице, была не только физически изнурительной, но и просто опасной: три месяца отец отмывал изнутри железнодорожные цистерны, перевозившие вино. Однажды, надышавшись ядовитыми парами, он потерял сознание. Отцу повезло: на следующее утро его нашли на дне одной из цистерн. Придя в себя, он тут же отправился искать другую работу» [3, с. 20].

А. Алексеев живёт в Париже на улице Грегуар де Тур в доме 6 (шестой округ). И разыскивает Сергея Судейкина. А. Алексеев передаст ему записку Билибина, покажет дорожные зарисовки и проработает с Сергеем Юрьевичем до сентября 1922-го, когда тот с труппой Балиева уедет на гастроли в США, чтобы там остаться навсегда. За этот срок Александр пройдёт у Судейкина обучение, назовёт его «учителем» [2, с. 207].

Судейкин – модный театральный художник, «вдохновитель» «Летучей мыши». «Умный, утончённый, странный, сноб, склонный к предрассудкам; самоуверенный» [2, с. 207]. Познакомившись с молодым человеком, Судейкин берёт его в подмастерья. Привлекает к работе над балетом «Щелкунчик» (в московском архиве Музея кино хранится рисунок Алексеева – эскиз костюма персонажа, стилистически близкий манере Судейкина а ля рюс).

После отъезда Судейкина в Америку А. Алексеев три года следует его указаниям: на больших листах бумаги рисовать во всё пространство листа обнажённую фигуру: чтобы «все руки и ноги были при ней. Чтобы каждый палец, каждый мизинец был при ней. Не прибегать к резинке или исправлению. Сделав ошибку, начинать всё заново» [2, с. 207].

Благодаря этому методу он научится композиции рисунка в точно заданных размерах, что пригодится в книжных иллюстрациях. Этот метод принят в академии Гранд Шомьер, популярной у русских эмигрантов художественной школе Парижа: её стал посещать и молодой А. Алексеев. Его привлекала возможность свободного расписания – посещений по записи – на месяц, на неделю, на несколько часов по вечерам, а также невысокая плата и самостоятельный выбор занятий. Сохранились имена тех, кто учился здесь из русских художников и скульпторов: Вера Мухина, Александра Экстер, Зинаида Серебрякова, Серж Поляков, Андрей Ланской. Преподаватели – известные живописцы и графики (Ф. Леже и др.).

С 1921 по 1925 гг. А. Алексеев – участник театральных постановок Театра на Елисейских полях: спектакля Луи Жуве – «Удар» (1923), Жоржа Питоева – «Святая Жанна» (1925). После отъезда Судейкина в сентябре в США оформленные им при участии Алексеева спектакли продолжали идти в Париже.

Газета «Последние новости» от 25 октября 1922 г. сообщает: с 20 октября по 9 ноября в помещении Театра Елисейских полей будут проходить спектакли театра «Балаганчик». У рояля – Мирон Якобсон. Декорации и костюмы С. Судейкина, В. Шухаева, Л. Зака, А. Алексеева.

А. Алексеев сотрудничает и с другими театрами режиссёров-авангардистов, участвуя в художественном оформлении спектаклей. Его привлекают и к работе над сценографией Шведских балетов Рольфа де Маре, Русского балета Рене Блюма, спектаклей Фёдора Комиссаржевского, Луи Жуве.

Фёдор Фёдорович Комиссаржевский, сторонник системы Станиславского, основатель театра своей великой сестры актрисы В.Ф. Комиссаржевской, в Англии ставший одним из ведущих режиссёров, принадлежал к реформаторам сцены. В Париже он поставил в Театре Елисейских полей в 1923 и 1924 гг. спектакли «Дорога в Лувр» А. Милна на английском языке, «Клуб

мандариновых уток» А. Дювернуа и П. Фортунни, «Дуэнью» Р. Шеридана. Каково было участие А. Алексеева, что он извлёк для себя из общения с Комиссаржевским, не известно, как и из общения с Луи Жуве, известным французским режиссёром, актёром театра и кино, другом Ж. Кокто и Жироду, чьи две книги которого Алексеев будет иллюстрировать.

В 1923 г. Л. Жуве, принадлежавший вместе с Ж. Питоевым, Ш. Дюлленом и Кокто к реформаторам французского театра, поставил пьесу Жюль Ромена «Кнок, или Торжество медицины». Судя по всему, именно в этом спектакле мог что-то делать А. Алексеев, говоривший о роли авангардного театра в его творческой судьбе художника книги: «... мой опыт художника начался с театра под руководством одного из его (Мейерхольда – Л.З., О.З.) сотрудников. И сотрудничая затем с режиссёрами «Картели» 20-х гг. (они тоже были под большим влиянием великого реформатора современного театра), я выучился задумывать всю будущую иллюстрированную книгу как спектакль. Таким образом, именно Мейерхольду, который был решительным, но полным уважения оппонентом своего учителя Станиславского, я обязан моим увлечением зрительной новизной» [2, с. 207].

В 1922 г. в Париже открывается новый русский театр «Шут». Его создатели: дирекцию представлял Ашим-Хана, музыкальной частью заведовал Мирон Якобсон, режиссёр – А. Смолдовский. А. Алексеев – главный художник театра. В частной коллекции швейцарского фонда «Art ex East» авторы этой статьи обнаружили его эскиз логотипа этого нового театра, где переплетаются слово «шут» по-русски и по-французски [18]. Возможно, создателей театра вдохновлял балет «Шут» на музыку С. Прокофьева, которым 17 мая 1921 года С.П. Дягилев открыл в Париже 14-е Русские сезоны. «История о шуте» – фактически русская народная сказка, в которой все герои – и мужчины, и женщины – шуты [17, с. 326].

Малый зал на сто пятьдесят мест, миниатюрная сцена, где танцору негде повернуться, непритязательные костюмы, большинство декораций – сукна, домашняя игра и немудрящая обстановка обезоруживали зрителей. Критики сразу заметили: театру не хватало оригинальности в репертуаре и в режиссуре. «...Не было выдумки и строгой слаженности, чем гордится русская режиссура, но милая старательность и тех-

ническая наивность...» – писал в газете «Последние новости» от 4 мая 1923 г. бывший сотрудник журнала «Аполлон», драматург, знакомый Мейерхольда Е.А. Зноско-Боровский. Это не устраивало и требовательного к себе и искусству Алексеева. Позднее он сделает эскизы декораций и костюмов для варьете и для шведского балета. Но работы его не самостоятельны, это подражание учителю, стиль которого ему далёк. А. Алексеев вспоминает: Судейкин даже как-то сгоряча даже обозвал его «ничтожеством» [2, с. 207].

К 1925 г. Александр распрощается с карьерой художника театра (пишет: «меня просто выгнали» [2, с. 207]). Он больше не зхочет участвовать в коллективном творчестве. К этому времени А. Алексеев женат, у него дочь Светлана. 28 июня 1923 г. состоялось бракосочетание начинающего художника с Александрой Гриневской, актрисой театра Ж. Питоева, русско-польского происхождения, выросшей в Париже, в мэрии 17 округа. Жорж Питоев и Поль Рэш – свидетели этого союза. Дочь напишет про отца и мать: «Именно одиночество и чувство неприкаянности и потери связей с родины подтолкнуло их друг к другу» [3, с. 20].

В 1924 г. А. Алексеев уходит из театра. Его желание – экспериментировать, придумывать новое, ни от кого не зависеть: «У меня не было денег на жизнь, я был женат, у меня был ребёнок, его надо было кормить, мне тоже надо было что-то есть, так что мне надо было срочно найти заработок» [2, с. 207]. Его привлекает книжная графика. Книга для него – погружение в мир мечты, в «мир грёз»: «Я... любил связь между СЛОВОМ и ИЗОБРАЖЕНИЕМ: к их связи я питал особую страсть» [2, с. 207].

Средств на обучение нет, и Александр покупает учебник Рорэ «Гравёр» для начинающих и осваивает наиболее популярные графические техники: ксилографию, офорт, акватинту и литографию. Он сразу пытается «разрабатывать собственные приёмы» [2, с. 207]. Работая в театре, молодой сценограф познакомился с Алексеем Бродовичем, эмигрантом и искателем себя в искусстве, «раскрашивавшим» декорации для балетов «Русских сезонов» С. Дягилева, что делал и Алексеев. И они оба усвоили его любимое требование: «Удивите меня!». Спустя много лет на вопрос дочери Светланы, какова цель художника, отец ответит: «Удивлять...» [3, с. 20].

Итак, Александр Алексеев создаст за первые пятнадцать лет эмигрантского существования во

Франции иллюстрации к двадцати семи книгам (в том числе портреты авторов на фронтиспise и несколько обложек), став самым востребованным книжным графиком из русских художников-эмигрантов, хотя в книжной иллюстрации того времени в Париже работали такие мастера, как А.Н. Бенуа, Н. Гончарова, Шухаев, Ю.П. Анненков, И. Лебедев. Летом 1928 г. вместе с Бродовичем А. Алексеев представит свои гравюры – ксилографии, офорты, литографии – на выставке в парижской галерее Я. Поволоцкого на Сен-Жермен да Пре с 21 июня по 4 июля, о чём сообщала эмигрантская парижская газета «Последние новости».

А. Алексеев погрузился в искусство книги, где прославил себя в библиофильских кругах «книга художника» – «livre d'artiste», которую начал выпускать в начале XX в. Маршан и издатель Амбруаз Воллар. Её создавали в те годы живописцы П. Боннар, П. Сезанн, О. Ренуар, именитые скульпторы. Французский профессор, исследователь эмиграции Ренэ Герра утверждает: «С 1924 года Париж de facto стал столицей Русского Зарубежья и литературно-художественной эмиграции. Здесь обосновалось подавляющее большинство русских художников самых разных школ и направлений: мирискусники, неоклассицисты, символисты, импрессионисты, кубисты, дадаисты, абстракционисты... Потеряв родину, они истово завоёвывали себе новое место под солнцем, используя на этом пути все достижения европейской культуры. Не теряя самобытности, сохраняя во многом уникальный русский образ мышления, язык, высокую духовность, они добились признания в стране, признанной всем миром как образец верности культурным традициям, и стали звёздами на артистическом небосклоне Парижа... Художественный Париж невозможно представить без русских художников, которые именно здесь добились блистательных побед и достижений и, в частности, в области книжного оформления и иллюстрации» [7, с. 23].

К числу сенсаций довоенного периода французский исследователь относит иллюстрации А. Алексеева к «Запискам сумасшедшего» и «Братьям Карамазовым», вызвавшие у французских зрителей эстетический шок.

Западная публика зачастую не понимала природы и мощи таланта таких корифеев, как А. Алексеев. Однако, на наш взгляд, здесь следует вспомнить о тектонических сдвигах в области исторического бытия, приведших к слому старой

государственной машины Российской империи и построению Советской России, что повлияло на жизни миллионов её граждан, в том числе и тех, кто вынужден был эмигрировать из страны. Эти обстоятельства, без сомнения, обостряли творческую память и чувственное восприятие художника.

Выводы. Анализ творческой деятельности А. Алексеева в течение первых пятнадцати лет его парижской жизни так или иначе подводит к выводу: он, как и многие другие представители творческой интеллигенции первой волны русской эмиграции, сохранил в сердце образ Родины, России, которую он и старался визуализировать в своих работах. Полученное им фундаментальное образование в кадетском училище облегчило ему эту задачу, поскольку, помимо чисто военных наук, там преподавали также и рисование. Именно этим, на наш взгляд, и можно объяснить ту ностальгическую образность, которая постоянно присутствовала, прямо или опосредованно, в гравюрах художника. Он стремился перенести эти воспоминания из области чувств в материальный мир, сохраняя таким образом то видение Родины, которое он унёс с собой, отплыв на чужбину на корабле «Орёл». Именно эти воспоминания и восприятие Родины, присутствуя в том или ином виде в его работах, и демонстрируют нашим современникам: А. Алексеев оставался патриотом России, глубоко и беззаветно любившем Родину, сохранившим в сердце частицу русского мира, и чувство это коренилось в его сердце, также как и любовь к матери, образы которой встречались в его работах на протяжении всего творческого пути.

Покинув Россию, превратившуюся в Советский Союз, эмигранты первой волны в своём творчестве и деятельности (в журналах, газетах, издательствах, театрах, школах, летних молодёжных лагерях) стремились воссоздать русский мир таким, каким они его знали и любили с детских, юношеских лет в его православном, традиционном варианте. Им в этом помогало последовательное обращение к русской классике – «Слову о полку Игореве», книгам А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого. Именно этим можно объяснить стремление А. Алексеева создавать пространственные иллюстративные циклы именно к этим произведениям, становившиеся каждый раз значительным событием для европейских и американских ценителей изобразительного искусства.

1. Александр Алексеев: Диалог с книгой / Сост. И общая ред. А. Дмитренко. – СПб.: Вита Нова, 2005. – 80 с.
2. Алексеев, А. А. Забвение или сожаление (записки петербургского кадета) // Киноведческие записки. – 2001. – № 52. – С. 200-271. Машинопись воспоминаний на французском языке хранится в Музее кино в Москве.
3. Алексеева-Роквелл, С. А. Зарисовки. Истории моей юности. / Пер. с англ. М. Баджен. – Ярославль, Рыбинск: Изд-во ОАО «Рыбинский Дом Печати», 2013. – 360 с.
4. Андерсен, Х. К. Лунные картинки (картинки-невидимки) / Иллюстрации А.А. Алексеева. Пер. А. Ганзен, П. Ганзен. Послесловие Л.У. Звонаревой, Л.С. Кудрявцевой. Серия «Книжная коллекция». – М.: Фортуна ЭЛ, 2016. – 128 с.
5. Артемьев, К. П. Дутов. Тайна гибели атамана. – Оренбург: ООО «Оренбургское книжное издательство имени Г.П. Донковцева», 2020. – 336 с.
6. Башмаков, А. И., Башмаков, М. И. Художник книги Александр Алексеев. Описание собрания книг с иллюстрациями Александра Алексеева и Александры Гриневской из библиотеки М.И. Башмакова. – СПб.: Издательский дом Петрополис, 2010. – 212 с.
7. Герра, Р. Русские художники-эмигранты и искусство книги во Франции 1920–1970 гг. // Литературные знакомства. – 2013. – № 1 (12). – С. 146–150.
8. Герчук, Ю. Я. Искусство печатной книги в России ХУ1-ХХ1 веков. – СПб.: Коло, 2014. – 511 с.
9. И.Я. Билибин в Египте. 1920-1925. Письма, документы и материалы / Сост., пред. И примеч. В.В. Беляков. – М.: Дом Русского Зарубежья им. Александра Солженицына, Русский путь, 2009.
10. Кессель, Ж. Сибирские ночи / Пер. с фр. Е.А. Багно / Предисл. М.В. Сеславинского. Послесл. Л.У. Звонарёвой, Л.С. Кудрявцевой. – Оренбург ООО «Оренбургское книжное издательство имени Г.П. Донковцева», 2021. – 144 с.
11. Конструктор мерцающих форм: Книжная графика Александра Алексеева из собрания Бориса Фридмана / Сост. А. Федорович и Б. Фридман. Авторы статей: С. Алексеева-Рокуэлл, Д. Виллуби, Н. Изолов, Ж. Нива, Ю. Норштейн, Н. Ригаль, М. Сеславинский, Б. Фридман, М. Шемякин, К. Эрманн. С параллельным текстом на рус. и англ. языках. – СПб.: Вита Нова, 2011. – 252 с.
12. Крицкий, Н. Н. Владивостокские гардемаринеры [Текст] : (обеспечение Сибирской флотилией корабельной практики гардемарин учебных заведений Морского ведомства в 1915-1917 гг. Владивостокское Морское училище 1918-1920 гг.) / Н. Н. Крицкий, А. М. Буяков. – Владивосток : Изд-во ДВГТУ, 2000. – 193 с.
13. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА): фонд 725, опись № 52, дело 977, л. 87-89 об.
14. Семёнов, В. Г., Семёнова, В. П. 2-й Оренбургский кадетский корпус. История и судьбы. – Оренбург: ООО «Оренбургское книжное издательство имени Г.П. Донковцева», 2022. – 576 с.
15. Семёнов, В. Г., Семёнова, В. П. Оренбургский Неплюевский кадетский корпус. История в лицах. – Оренбург: ООО «Оренбургское книжное издательство имени Г.П. Донковцева», 2017. – 592 с.
16. Тэффи, Н. А. Воспоминания. – М.: Иллюминатор, 2022. – 416 с.
17. Чернышова-Мельник, Н. Д. Дягилев: Опередивший время. – М.: Молодая гвардия, 2011. – 475 с.
18. Fondation “Art Ex East”. Ед. хран. AL-Ms-201.

ALEXANDER ALEXEEV PARADOX: FROM MILITARY SCHOOL TO ARTIST (1919-1930)

© 2024 L.U. Zvonareva, O.V. Zvonarev

Lola U. Zvonareva, Ph.D., History, professor,

E-mail: lzvonareva@mail.ru

Oleg V. Zvonarev, Ph.D., History, assistant professor,

E-mail: donfeliz@yandex.ru

Zhirinovskiy University of World Civilizations

Moscow, Russia

The authors of the article examine the way Alexander Alexeev (1901, Kazan – 1982, Paris), the outstanding world and Russian classical literature illustrator and pinscreen creator began his creative career. It is mentioned in the article that Alexander Alexeev had to leave the Russian Empire, forming part of the first wave of the Russian emigration settling down in Paris in the long run. In the beginning of his creative career he worked there as a theatre artist. Henceforward, Alexander Alexeev committed himself to the art of the book illustration. The authors claim in the first fifteen years of his creative activities Alexander Alexeev to have become the most eminent of the Russian emigrants book artist with twenty seven books, including book author frontispiece portrait and some book jackets illustrated. Having examined creative activities in the first fifteen years of his Paris life the authors claim Alexander Alexeev, as many other creative

intellectuals of the first wave of the Russian emigration to have retained in his soul and heart the image of his Motherland, visualizing it in his works this way or another. These reminiscences and Motherland perception do demonstrate our contemporaries Alexander Alexeev though being away from Russia for nearly 60 years, in fact to have always been Russian patriot retaining the Russian world particle in his heart, as well as love for his mother, with her images scattered in his works all over his creative activities.

Key Words: Alexander Alexeev, emigration, the Russian world, book illustration, livre d'artiste

DOI: 10.37313/2413-9645-2024-26-97-69-79

EDN: KKWOGH

1. Aleksandr Alekseev: Dialog s knigoy (A dialogue with a book). / Sost. I obshhaya red. A. Dmitrenko. – SPb.: Vita Nova, 2005. – 80 s.
2. Alekseev, A. A. Zabvenie ili sozhalenie (zapiski peterburgskogo kadeta) (Oblivion or regret (notes of a St. Petersburg cadet) // Kinovedcheskie zapiski. – 2001. – № 52. – S. 200-271.
3. Alekseeva-Rokvell, S. A. Zarisovki. Istoriya moey yunosti (History of my youth). / Per. s angl. M. Badxen. – Yaroslavl', Ry`binsk: Izd-vo OAO «Ry`binskiy Dom Pechati», 2013. – 360 s.
4. Andersen, X. K. Lunny`e kartinki (kartinki-nevidimki) (Pictures of the Moon (A picture-book without pictures). / Illyustracii A.A. Alekseeva. Per. A. Ganzen, P. Ganzen. Posleslovie L.U. Zvonarevoj, L.S. Kudryavcevoj. Seriya «Knizhnaya kollekcija». – M.: Fortuna E`L, 2016. – 128 s.
5. Artem`ev, K. P. Dutov. Tajna gibeli atamana (A mystery of Cossack chieftain death). – Orenburg: OOO «Orenburgskoe knizhnoe izdatel`stvo imeni G.P. Donkovceva», 2020. – 336 s.
6. Bashmakov, A. I., Bashmakov, M. I. Xudozhnik knigi Aleksandr Alekseev. Opisanie sobraniya knig s illyustraciyami Aleksandra Alekseeva i Aleksandry` Grinevskoj iz biblioteki M.I. Bashmakova (Aleksandr Alexeev, book illustrator. Description of the books with illustrations created by Aleksandr Alexeev and Aleksandra Grinevskaya from M.I. Bashmakov's library). – SPb.: Izdatel`skij dom Petropolis, 2010. – 212 s.
7. Gerra, R. Russkie xudozhniki-e`migranty` i iskusstvo knigi vo Francii 1920–1970 gg. (Russian emigrant artists and the art of book illustration in France in 1920-1970) // Literaturny`e znakomstva. – 2013. – № 1 (12). – S. 146–150.
8. Gerchuk Yu. Ya. Iskusstvo pechatnoj knigi v Rossii XU1-XX1 vekov (The art of book printing in Russia in XVI-XXI ages). – SPb.: Kolo, 2014. – 511 s.
9. I.Ya. Bilibin v Egipte. 1920-1925. Pis`ma, dokumenty` i materialy` (I.Ya. Bilibin in Egypt. Letters, documents and records). / Sost., pred. I primech. V.V. Belyakov. – M.: Dom Russkogo Zarubezh`ya im. Aleksandra Solzhenicyna, Russkiy put`, 2009.
10. Kessel`, Zh. Sibirskie nochi (Siberian nights). / Per. s fr. E.A. Bagno / Predisl. M.V. Sslavinskogo. Poslesl. L.U. Zvonaryovoj, L.S. Kudryavcevoj. – Orenburg: OOO «Orenburgskoe knizhnoe izdatel`stvo imeni G.P. Donkovceva», 2021. – 144 s.
11. Konstruktor merczayushhix form: Knizhnaya grafika Aleksandra Alekseeva iz sobraniya Borisa Fridmana (Constructor of shimmering forms: Aleksandr Alexeev graphic arts from Boris Fridman's collection). / Sost. A. Fedorovich i B. Fridman. Avtory` statej: S. Alekseeva-Rokue`ll, D. Villubi, N. Izvolov, Zh. Niva, Yu. Norshtejn, N. Rigal`, M. Sslavinskiy, B. Fridman, M. Shemyakin, K. E`rmann. S parallel`ny`m tekstem na rus. i angl. yazy`kax. – SPb.: Vita Nova, 2011. – 252 s.
12. Kriczkij, N. N. Vladivostokskie gardemarinu` [Tekst] : (obespechenie Sibirskoj flotiliej korabel`noj praktiki gardemarin uchebny`x zavedenij Morskogo vedomstva v 1915-1917 gg. Vladivostokskoe Morskoe uchilishhe 1918-1920 gg.) (Reefers of Vladivostok [Text] : practice of educational institutions of the Navy Department reefers at the Siberian flotilla ships in 1915-1917. Vladivostok military school in 1918-1920). / N. N. Kriczkij, A. M. Buyakov. – Vladivostok : Izd-vo DVG TU, 2000. – 193 s.
13. Rossijskiy gosudarstvenny`j voenno-istoricheskij arxiv (RGVIA) (The Russian State Military-Historical Archives (RSMHA): fond (stock) 725, opis` (list) № 52, delo (file) 977, l. 87-89 ob.
14. Semyonov, V. G., Semyonova, V. P. 2-j Orenburgskij kadetskij korpus. Istoriya i sud`by` (The second military school of Orenburg. History and fates). – Orenburg: OOO «Orenburgskoe knizhnoe izdatel`stvo imeni G.P. Donkovceva», 2022. – 576 s.
15. Semyonov, V. G., Semyonova, V. P. Orenburgskij Neplyuevskij kadetskij korpus. Istoriya v liczax (Neplyuev military school of Orenburg. History and personalities). – Orenburg: OOO «Orenburgskoe knizhnoe izdatel`stvo imeni G.P. Donkovceva», 2017. – 592 s.
16. Te`ffi, N. A. Vospominaniya (Memoires). – M.: Illyuminator, 2022. – 416 s.
17. Cherny`shova-Mel`nik, N. D. Dyagilev: Operedivshij vremya (Dyagilev: ahead of his time). – M.: Molodaya gvardiya, 2011. – 475 s.
18. Fondation “Art Ex East”. Ed. xran (Item). AL-Ms-201.